

ЮРИЙ МИЛОРАВА

ПРЯЛКА-АНГЕЛ

Москва 2003

Юрий Милорава

ПРЯЛҚА-АНГЕЛ

НЕОСЯЗАЕМЫЙ ДОМ

продолженья арка
тупик пробитый
но виденье лишённое жизни
ниц упавших безмолвий
и витийствующий предвестник
летающий
контур

листва
накидкой
дымной
стекает

из счастья теней диадема
частью цели
себя тем многим воздвигнутым
летающая глина в предел
деревянный
помоста
и шум исходит яркий
и угловое устье исхода
рыхлым гнетом
помечено
в мареве
крыш

как знамя стуком
белым многосильным
тишина

сталь клиньев
вторые ворота приношение шага
от борозды глубокой
агатовая весть зрачка
это белая пыль
на голубом между облак
холодный изгой
бесценной сукровицей

охватывая
смятой дробью
света граница
звонкими
стеклянными
складками

колонна
и мраморных кудрей
качая
повернутый
телом

странные
комки
огня

скрип уместный
стал отражением тусклым
узкой полоской
бледный росчерк
рассыпан
как ересь
тщетно
вязко
от тени
на пару
петляя

двоясь
многим мерам
рот
кричащий беззвучно
истрепанный
тканый
лоскут

след единый
ущербен
брызги омытый
звучит он вне места вдаль
с краю охваченных льдинок
и складок ветвящихся
колких
хаос
где шум уподоблен
тяжести створок

Геннадию Айги

слом и маски
и пыль
ежевично-багровая
прорези
сумерек терракота
долгим шелком
провалом колец
высь
у цитадели каменной
рядом у свода
где лиственница стеной
стоит
задыхаясь

старый
круг
утешения
площадь

неровный квадрат
как кристалл

костью
сотканного середины
из струй гобелена
слой

не сотое их
сто крыльев
неба
это легкий
блеск

остра
разграблена
гладь розова
ярь смен
и целей
скользят ларцы
крылья охоты живы
на бледном лоск и лихорадка
вода и куст клубятся
с набитых
клювов

веским прибором раззолоченный
бережный гул
приближенья
собиранья стай
колеблем —
пройдя
тыльным бредом пауз —
как нищих лбы
вмеща в себя красную скалу
выстраивая
изверившиеся головы
этих птиц

Ю. Косаговскому

это сегодня
и
это тягучее есть
как будто проснулась сверяя
медоточивость
извечное сжатье
и жестко истертый квадрат
впервые
теряется в камне

и дождь
как воину блеск

стальным шлемом
дождь
оседает
в высокий ров

вновь место личинок жарких
каждое но повернутое
от шести частей
словно скос
и резкое узкое
в купол растущее
пламя

единый
грубый дом на гребне
сожженье слой
из дыма
движущегося
несоразмерно

черный
свет
тончайший
до шелеста

слух
колыханье
шум шаткий посеянный первый
оземь
светом багровой солью
наст между пальцев сатрапий
выеден его веер булыжный
меж стен в рубинах
и выбоины

до некоей
в роздых
и им немотой глубокой
уход
и сонно ключ повернут
весь рой
дым вскрытый
тщанием
железа
как край
ограды

над головой
как горсти зерен
гладких и
вброд истовости
вскользь
невесомых пятен белых
песок

бычи
окаменело
частью не касаясь света
но тут не ходы в даль
а пена пути
клубится она
и
ремнями
суженна

охват
полет полет и
рост
тысячный
кротости розовый шум

перевернуто
пусто
бери — молча
и загороди —
прощенье
землей

прощенье какое... тихо
данностью ранней
вид его ясной извести
нитью входящей наискось
сырость погоней
стиснутый камнем
мелкий божок
ряд просто щебень он
стык неизменно
и стенами ветхими
шаткий как пух
разговор

неся цветы рдяные
и замирая вслепую распахнуто
распахнуто мостом огромно
до сути следа холеного
с высот
так лучше линий верных
власть рук
их облака
цепляющиеся
друг за друга

трижды
ждушие на порогах
открытые
все как от слов черноты
и разъятости мед

легко
отсочившаяся накреньясь
уклона просека
до и ночь
на отшибе
стойкий
глянец
темени
полой внутри

стекаясь молча его теплой пыли
вне Имени
с год рост толчеи
из их сходов блеск
и незримая даль
багровая ветвь
между
их плеч

на повороте лестниц
на сгибе
бег
слом
сквозь их отсутствий упорство
некая непечатость
узкое
словно пеналы
темное или прямое
глиной

непонятен
срез как код
сползающий вал
трон ветвистый
в заостренной сухости
лезвий
призывающих
слепо

был
слух —
лишь
поиск
покоя
мерным где-то вверху
и глубже кружев волокон
напрочь

настеж
вздыблен крыльев елей
и стойкая
скомкана
высь

всё реже но
как ожег
вразлет
и
запечатленная оперением птицы
кривизна в окне
отчужденная
и бронзовый гул
зарослей трав под входом
от расстоянья

пестуя лепет
зов
долгие
на ход рань чьи
ступни ног
неся себя
словно воск
замирая
от раза к разу

ища
бережное
дыхание
во влаге
губ

более
ты из мер рам
нечетко
овеянная
изнеможением
ближе
в кольях ограды с иволгами
где круженье
прорех

боже
робость
как бы хаоса
вниз
эта - сама - дрожь разверстая
словно кольцами лиц
склон ступени
и коловращенье
после теней
и отсутствий

обреченно
у окон
у полутемных
растворяются те встречи
в пеленах неназванных
и издалека
углы ступени профили
вовне белые и черные меты
малые линии

сыпется
низкий восход
желтый как тени нагие
от жестов
и быстрые стержни
летающим

дойди
и вот что
чем и от дна забрезжит
о волей брызг
где вода внизу
он
раскачивается
Мост Желтый

текут
ступени в травах
вниз место теней
и пустот
ком
прозрачный

срез
чертвая
высь

овал
исподволь
бессильно

снует как стрекозы
чем
воды ось самой
выше поверхности
зелень канала
глухое —
и ближе

легко
в конце
в воздухе раз за разом
темные лавки бревна
висят шести
лаконична нечеткость
и крап
стена пятен шелковых
из
ста полос
наблюдений
скользящих

скрадываясь одиноко
но
по высверку
тем же истово
пустырь
при приближении по ходу
обломком
стоит

окрест
предвидя
огонь
не окон светает тлен
о узкие
до обвала
края сыпучие
едва

всё
мечущийся
и в их сток он с год единый
им весь
по поверхности
вод гон танцев
медовая
под плотину
точность

ячейки
всполох
как меч
как веер
скаты свет
отрыв

встанут волнует соединясь
узлы вязкие
о рань тех без нежданных пустот
тебе и тобой
верченье гонимое
и рост прорезей
как белый лен
первый

небо
только
в единое столб
слой
и
пурпур
как иссушенный лист
молчаливое

тем пасмурней
что и продлится
к навесу обычно прямому
удивительно-позже веских
капель
окриков
извивающееся чаше
мельтешенье ограды
стойкости
муравьиной

не пестро
кромкой рассеянья
распахнута
влага

серебро кромки но среди
углов
на мучения
в тишине едкой
их несет
может
о господи
как всех
что были

однажды выплывут
или выбеленные как в уме
в голоде
стальные метки на дереве
и теперь захотят
чем ждут
и слышат всегда
и всегда

смотрящие
с выжженных
платформ

чем и было
но встанет
прежде прозрачней
смена
чем сам над камнем шершавым
в немоте всюду и Никто
сулящий блеск
невесомо

разомкнет
долгим жаром
первую острую даль их лиц
на возвышении ровно
только Алый множеств
из русла облак
разный
и неверный льнущий
и резкий

о чём
перекинут решеткой
полной сразу тепла
быстр и вызовет блик
свой колкий выплеск
по отверженным
ярким улицам
вслед

в горле цветет колко
как несожжённо
невозможно начатое многое мерное
ком ком гора полуугол
прозрачные бирки
стесанно
залежи
части
цепь
сотое
закрытое
и плоский тупик
туда
чем иной шум
не звучит

их бег
их бег
как слово

ИРИДИЕВЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА

сзывает
холодного раздорами дарами
частью кирпичный старинный стол
и полукирпичный авто
и в целом подъемный кран
словно костер
из
гладких линий

вырвался
полудня жар
пластина под пламени пылью
и ярь под раной коня
в пигменте раскат
и бросок

не угас
жест
парадно
резко — молний —
из черного сок частый стелят
открывают себя
указками истовых вспышек
двери

протяженная как поэма
стройка стропил главного строй
рук лава
с небо каски толп
не остановленные
согнут крив
край звезд

этим
бутонам
распал от корня разлапистого
застывшего очага листвы
откуда
вздыбленно
зеленым
то обложки обложки
то внутренности кустов

медлит
рука медовая
только у стены
утром
плывет
из ниши черной движений
плющ и
как смелостей иридиевых
увитое листьями сердце

сбивчиво-темным вечерним
слово через всё что узнаваемо из
слов
моста столикого перила
иглы игр фонаря
шумные иглы вместилище погре-
мушки
перья
плавясь шарами
сусального золота
восьми буханок —
черного хлеба

заря с тенетами желтыми тяжелого
но это погоня
ветка лица соболиного леса
над поспевающим
откуда
бильярдные шары

долетает улица преклоняя свои по-
 роги
 к ступе розовый ветер и гонг
 в чашу времени
 старый тамбур до места
 рдяная короста —
 разбитая факта —
 слипшаяся отдельно
 трясущейся страницы часть первая
 наизусть
 или в виде прута

нет — так (не колёса)
 под ними живучая встанет
 тень (не колёса)
 тень неведения
 не дотрагиваются до неё
 не меняют просто
 её
 просто так

мы всё ещё ждем
над мускулом — лязга
и всё не дойти нам в конец
воронки скульптур
и генеалогии мясников
не дойти
и меди резаной
стенанием
их
печатей

вепрь
завиток
недвижность
ярко-глухая
первыми залежами конусообразной
соли

Н. Х.

лежат
 разбросанные розы на маршрутах
 окраин
 просто зоной особой —
 за ложью — неверно засахаренной
 счастье тайное
 серо-белый суррогатный крольчат-
 ник столиков
 багровая в ночи обувь
 танцы
 на песке под холмом

волокнами
 что-то исчезло невозмутимо
 вовсю запутавшись
 в немоте апреля
 незамутненный пруд
 парк рыбьей кожи

восторг четырежды
 толпы
 на мерцанье на месте
 и вход в мех
 на поле ржи
 и ветер настойчиво деформирующий
 мех
 и покладисто питающаяся шумом
 горизонтальная
 корона
 корон

себя выстилая — провал —
 невнятно синим хлопьям
 открыт
 горизонтом
 и над поверхностью кодов зева -
 болотного
 серый
 роняет
 базальт

выше
 стела — горло ввысь
 горло осеннего скопца-ветра
 но в ком выше снопа
 тусклая магия трав
 в агнцах
 и дверных ручек —
 сменные трюки —
 медь фонарей
 а кучку людей
 на углу — утро ---
 утро берет их
 и вращает
 как глину

наброшенных
 тянущихся крив блеск нитей
 всюду тот
 поползновений ветхозаветных
 паукообразных
 окон —
 кровавой тиары —
 окон тиары окон
 спектр
 крови

пути следов
мощные вдавливами
овалы с сомнительными трещинами
бесчисленные запертые папирусы
висящие змеи
черные клювы
и реки
запертые бесменно
и красавицы
на своих медленных колесницах
с тусклыми маслянистыми фонаря-
ми
запертые
запертые
в клювах
ворон

о полная древесного дуновенья
гордая каста из медленных
улитка ли марева вверх усилий
ступенями гофрированная
малая ли лестница
и
спокойствие

крышка-лезвие
нагая
рельса стальная
сплетает раму
квадрата

собирая черты льдистые
в бессрочные метки
дав
углам
нас оставить
задыхаясь
всё удаляется
ветра
ком

роняемый лоснящегося сеяния
свет с высоты
задумчиво
на сундуке сияет
отомкнутые нежданно-негаданно
одежды
словно даримые
...матроны
вдаль несущие доски
с круглыми
розовыми мелками

...холеный
не выровненный
червленный ворс
матримониальные
планы...

без веры
жаждущие
за темным барьером
и сморщенные идиотов лица
на стене
отслаивающаяся
карта
долгожданного
цвета
коридоры
как наваждение

правда волн
города ослепшая
прибой —
мол
алых
ядер

итог
тупик
некто недвижимый
острие
каменный двор
просека

и любовь

пестрые льды
и ковры

догоняя их
слышен красавицам
заглушая весну
щебет кириллицы
во деревьях
вспугивая
растения
ресниц

лодка немых

упрочившееся — но —
постоянство
передислокаций
смена света
смена за сменой
за молчанием
за платой
за ужасом
удаляющихся
процессий

сапоги могут быть такими
или даже другими
и цветы
какими угодно даже большими
и может фиолетовыми
и даже за такими высокими бордю-
рами
какими угодно им
всюду

...стало быть и камни бордюрные
какими угодно

исхитрившийся лак
сила
среди атласной тишины прыжка
сокрушительная сель
с гор грозящая золотой гроздью
книжным шкафам в старом доме
полным
желтых бумаг

в башне смятение и реконструкция
реконструкция башни
дыра в реконструкции
дыра
где все ещё пляж
и
тростник

мим
феерия
от фонаря —
тесто

ног и колёс серых
в небе просвет
и бисер
цепляющий мир
налезающих
облак-трусоб

дверь ждущая
створчатого шума и полифонии
многожды прохудившаяся дверь
бесполоя
безвыходная
не верящая
многоцветная
даримая
врезанная
с гамом
с геммой
гамма
магическая
многодверная дверь
о дверь!

закат сам выкатит
бочку рома
ткани рулон
в закате
закат массой
в солнце
ржавый багор
в солнце
есть бурный жезл
в солнце
сломанная молотилка
в солнце
свалка солнца
в солнце
манна солнца

ненужный
запах почты
зыбкий подъем в гору
бижутерия со стекающими подроб-
ностями
скрытый выстрел
и аммиак

только уставшая
узкая и
одна
после
поезда ушедшего
монолитность

целя
но
пастообразная
пустота

роящиеся
искры
от
целлулоидной пустыни

избавление
стеклянная роща
глаза кабана
как ошибка
как корка сухая
под треснувшим краном

стулья у стены
бешено
бегущая — термитника —
красная лента —
риск разъедающий пальцы
имя которое трудно выговорить
новое имя

от воды к песку
звонки без адреса
в сто лоснящихся метров звонки
разрывы
и кольца
дегтярный
берег

до небес
под потоком скрытым неба
до-гоняющие друг-друга
балконы облак
убористый почерк
речь пьяных жокеев
забор с тысячью ячеек и щелями
вращающиеся атласы
о мясо солнца!
о мясо звезды!

ветвящаяся забава
неподъемная навигация
с плесенью и цементом
с непонятым треском
объявленная ходьба уже навсегда
и вязкое ухо
слышащее
лишь предпасхальную свежесть

Е.А. Толчинской

раструб
графин
с зазубринами
в руках ребенка
изогнутый след заточения
сера
и паспортник

бал
исчезающие нарды
лунка
молния седая как лунь
лупа пористая
длинный дом
скорая метка кости
тесто сети
шаг
гаснувший

ввинчена
сдвинута
в монограмме упрека
в шуме
потаенная
весть-дверь

планы
в глазном яблоке камня
в зрачке облезлой стены

ангельские рудименты

репрессии
поклонение маслу

и ссадина —
она —
нить накаливания

тайный винт
как розовая губчатость
цветы
внизу
повороты
шум
буйволы у воды
след угля и соли
множество стеклянных колонн

...взгляд
недвижно сидящего
чей ум
как набор ножей

лучина
послушная лань
в рощах ищут
гамак ангелу
зазеркалье завязи роз
пасть кастровая усов известковых
ручей схемы
узора жесткий жест
трап
тросы
кающаяся лебедка

кажущаяся лень нуля
нырок его в колбу
спесь голубя
и матери строек лбы из белого
свет мел просвета
и лом
целящий в днище

золото
под
блаженством гвоздя
и
архаический стук лабиринта
в храме
почти прозрачном

сидельцам
он — воздух
отсвечивая
бурый
в тяжестях змеист и шелков
маятник напольных часов
на празднике шахсей-вахсей
там утки платье цевьё карабина
и
Брейгель бежит
по шатким мосткам
туда к реке
и обратно

исписанный дневник
он — из витрин
из колеблющихся зон витрин
обратно бегущий
с цветами

пыль
красный смог
паутина зеленая
документов когда-то целебные блан-
ки
другие
серые
давно забытые
дорогостоящие
фатальные
...стопки неловкие...

быстрая речь
жирные складки
и также уместен
безобразный вход лифта
в сырую шахту

марево трав
их балахоны
среди лучезарного
нестерпимого